

SHNEIDER Konstantin Il'ich, *Dr.Sci.(Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Ancient and Modern History of Russia, Perm State National Research University (15 Bukireva St, Perm, Russia, 614990; kshneyder@yahoo.com )

## SYBARITE AND «SISSY» V.P. BOTKIN

**Abstract.** The paper explores the intellectual heritage and biography of Vasilii Botkin as a representative of early Russian liberalism. The author identifies the features of initial Russian liberal concept through studying how the liberals perceived the role of sociocultural views in social construction. The phenomenon of early Russian liberalism includes not only an apology of the classical liberal values, such as freedom, individualism, property, but also the elements of the conservative axiology – monarchism, elitism, etatism, which is connected with the process of adaptation of the well-known European ideas in adverse political conditions of autocratic Russia.

**Keywords:** history, aesthetics, history of ideas, individual, early Russian liberalism

УДК: 316.323.4

ДАВЫДОВ Сергей Анатольевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета (191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; licurg@inbox.ru)

## ПОЛИТОГЕНЕЗ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА: НЕПРЯМОЙ ПУТЬ К РАННЕМУ ГОСУДАРСТВУ

**Аннотация.** В статье обсуждается представление о развитии древнего общества как о поступательном процессе. В ряде случаев общество минует фазы вождества и раннего государства, поскольку находит альтернативные пути своего развития. Но в остальных случаях политогенез древнего общества хорошо укладывается в теоретическую схему Сервиса-Салинза.

**Ключевые слова:** политогенез, полития, древнее общество, вождество, раннее государство, шкала Сервиса-Салинза

Представляя развитие общества как поступательный процесс, социологи и антропологи стремились выработать аналитические модели, позволяющие упорядочить все многообразие культур на своего рода «хронологической линейке». В настоящее время широкое признание получила шкала Сервиса-Салинза, обладающая относительно тонкой разрешающей способностью и позволяющая упорядочить типы древнего общества по уровню социального развития [Service 1971].

Так, согласно воззрениям Сервиса, на первоначальном этапе своего развития общества создают локальные группы охотников-собирателей с невыраженным руководством (*local band*) и коллективным использованием природных ресурсов.

Племена, знаменующие собой следующую фазу развития общества, представляют собой надлокальные союзы кланов и общин, объединяющих земледельцев. Лидерство в племени носит харизматический характер, достигается благодаря личным заслугам и завоевывается только для определенных целей, как правило социальных [Service 1971: 101, 103, 105].

Вождества представляют собой последнюю доцивилизационную ступень развития общества. Принято считать, что они возникают под действием таких факторов, как ведение сельского хозяйства, специфическая комбинация при-

родных условий, демографическая нагрузка на территорию и войны. Вождества предполагают существование устойчивого соподчинения агентов социальных отношений, наличие центра, координирующего социальную, хозяйственную и культурную жизнь общин [Service 1971: 133], который способен обеспечить сбор и перераспределение произведенных благ [Service 1971: 134].

И наконец, на завершающей фазе своего развития древние общества могут создавать раннее государство.

Имея своего рода «генетическую» связь с высшими доцивилизационными формами общественного развития — племенем и вождеством, раннее государство все же отличается от них рядом существенных признаков.

Обобщая имеющиеся подходы к анализу признаков раннего государства, А.Е.Гринин пишет: «1. Общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее несколько тысяч жителей). Хотя чаще требуется больший размер, а по мере развития государства его объемы, как правило, возрастают до многих тысяч (часто до десятков и сотен тысяч и даже миллионов человек). 2. В обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей). 3. В обществе должна быть заметная социальная стратификация. 4. Необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, по крайней мере, должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще — больше» [Гринин 2006: 88].

Как следует понимать, типология Сервиса-Салинза не только выражает различие состояний общественной организации, но и представляет собой аналитическую модель процесса последовательной их смены — от акефальных локальных групп и до раннего государства с присущими ему иерархической структурой, редиистрибуцией и реципрокностью, бюрократическим аппаратом и символическим насилием.

Необходимо оговориться, конечно, что принятие социологом подобной аналитической схемы совсем не означает его согласия с утверждением о неизбежности возникновения раннего государства в общественно-историческом процессе.

Так, в своей работе «Четыре грани эволюции» Карнейро показал, что к определенному уровню хозяйственного развития могут вести различные способы организации общества [Carneiro 1973]. Эта же идея звучит в работах отечественных социологов и антропологов. Так, Д.М. Бондаренко, Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев в статье «Альтернативы социальной эволюции» отмечают: «...для нас важно наличие, по нашему мнению, оснований полагать, что одинаковый уровень социополитической и культурной сложности (который позволяет разрешать одинаково трудные проблемы, стоящие перед обществами) может быть достигнут не только в различных формах, но и разными эволюционными путями. Таким образом, к одному уровню сложности системной организации можно прийти по разным траекториям развития» [Бондаренко, Гринин, Коротаев 2006: 15].

И у этой точки зрения есть весомые аргументы.

С одной стороны, нам известны многочисленные исторические и этнографические примеры негосударственных образований, которые по уровню сложности социальной организации и уровню развития хозяйства, по крайней мере, не уступали государствам. Примером могут служить гетерархии, где наблюдается такое отношение социальных агентов друг к другу, «при которых они или не стратифицированы, либо существует несколько потенциально возможных вариантов их соподчинения» [The Early Monarchy... 2007: 3].

К числу гетерархий обычно относят афинскую гражданскую общину — полис V–IV вв. до Р.Х. В своем развитии афинский полис, без сомнения, достиг уровня

культурной сложности не только сложного вождества, но и раннего государства [Verent 1994]. В нем, как сегодня хорошо известно, одновременно существовали несколько иерархических систем — политическая, военная, духовная, религиозная, экономическая, притом высокое место человека в одной иерархии отнюдь не гарантировало ему столь же высокое место в другой. В некоторых своих признаках афинская полиция ничуть не уступала раннему государству. Например, афиняне в процессе управления пользовались письменностью, а их хозяйственная деятельность опиралась на достаточно развитые рыночные институты. В отличие от спартиатов, которые для сбора податей с илотов всякий раз объявляли им войну и по древнему праву «победителей» забирали половину урожая, афиняне создали регулярную систему налогообложения. Но при этом полис не располагал многими системообразующими признаками государства. Профессиональная бюрократия была малочисленной и не имела сколько-нибудь значимого влияния на общество, а судейский корпус был не профессиональным и формировался из граждан, преодолевших определенный имущественный ценз. Похожим образом можно охарактеризовать и римские *civitas* [Штаерман 1989].

С другой стороны, у нас есть примеры, хотя и не столь известные и многочисленные, опровергающие представления о неизбежности поступательного развития социальной системы в сторону ее иерархизации и о зависимости экономического развития от уровня социальной организации. Скажем, политические организации Ближнего Востока и Центральной Азии, существовавшие в Средние века и включавшие в себя несколько общин с лидерством, характерным для племени [Carneiro 1981: 39], по-видимому, возникли в результате распада хронологически предшествующих им вождеств. Интересно отметить, что процесс политической децентрализации этих средневековых «племен» не сопровождался хозяйственной деградацией и ухудшением условий жизни [Коротаев 1995].

Существуют и другие примеры, когда опережающих темпов экономического развития добивались общества, «отстающие» в плане социального развития. Так, у относительно отсталых в экономическом отношении индейцев юго-востока Калифорнии власть доставалась вождям уже по наследству, в то время как у значительно более развитых в экономическом плане племен северо-запада Калифорнии вожди не имели ясно выраженного статуса, а сам статус напрямую зависел от количества находившихся в распоряжении человека материальных благ [Кабо 1986: 180]. Аналогичная картина наблюдалась у филиппинских племен ифугао, которые сумели создать довольно сложную структуру экономических отношений, но обходились при этом без авторитарной наследственной аристократии [Мешков 1982: 183-197].

Все это дает веские основания полагать, что государство было не единственным и не универсальным направлением развития первобытных обществ, «что были и иные, альтернативные пути для развития подобных обществ, помимо превращения в раннее государство» [Гринин 2006: 86].

Принимая эти аргументы и следствие из них, стоит заметить, что они никак не подрывают эвристической ценности модели Сервиса-Салинза по двум причинам.

Во-первых, на основе анализа большинства известных нам культур все же наблюдается достаточно сильная корреляционная связь между уровнем хозяйственного развития и сложностью социальной организации. Неспециализированные номады-собиратели обычно имеют акефальную структуру и не знают иерархии, а развитое земледелие, как правило, возникало и хорошо функционировало в рамках достаточно сильно стратифицированного общества. Кроме того, децентрализация иерархических систем в историческом процессе выглядит куда более

редким явлением, чем образование иерархий и государств из негосударственных политий.

Во-вторых, современная наука располагает весьма богатым историческим и этнографическим материалом, чтобы с высокой долей уверенности судить об адекватности объяснительной модели Сервиса-Салинза в тех случаях, когда образование ранних государств все-таки становилось исторической реальностью.

Здесь, прежде всего, обратим внимание на то, что вождество в определенном смысле несет в себе потенциал раннего государства. Например, в ходе описания социальной организации в небольших группах южноамериканских индейцев К. Оберг так определил общие признаки, выражающие семантику этого понятия: «Вождества (*chiefdom*), – писал он, – состоят из множества поселений и управляются верховным вождем, под властью которого находятся районы и поселения, управляемые иерархически соподчиненными вождями. Отличительной чертой этого типа политической организации является то, что вожди имеют судебную власть регулировать споры и наказывать преступников вплоть до смертного приговора и – под руководством вождя – реквизируют людей и запасы на нужды войны» [Oberg 1955: 484].

Результаты наблюдений других антропологов хорошо согласуются с этим описанием и позволяют выявить общие признаки вождества, приближающие его к раннему государству. Так, хотя у вождя, как правило, отсутствует аппарат принуждения, он уже способен добиваться исполнения принятых решений, привлекая свой авторитет и опираясь на свою символическую власть [Service 1962]. Хотя вожди не опираются на закон, они уже располагают судебной властью и отправляют судопроизводство. Хотя вожди не опираются на систему регулярного налогообложения, они располагают правом отчуждать ресурсы от домохозяйств и перераспределять продукты. Хотя социальная иерархия вождества не носит формальный характер, вожди фактически стоят во главе вертикально интегрированного общества и управляют им через своих наместников – локальных подчиненных им вождей или своих родственников [Карнейро 2000: 89].

Несложно понять, что эти все характеристики позволяют рассматривать вождество одновременно и как наиболее развитую форму доцивилизационного общественного устройства, и как способ социальной организации, содержащий в себе ростки раннего государства. Именно поэтому понятие вождества очень скоро вошло в арсенал аналитических инструментов неозволюционизма [Service 1971], а соответствующий ему тип социальной организации начал рассматриваться как ступень общественного развития, занимающая промежуточное положение между локальным сообществом или племенем и ранним государством [Heterarchy and the Analysis... 1995].

### Список литературы

Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2006. Альтернативы социальной эволюции. – *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей* (под ред. Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева). Волгоград: Учитель. С. 15–36.

Гринин Л.Е. 2006. Раннее государство и его аналоги. – *Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей* (под ред. Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева). Волгоград: Учитель. С. 85–163.

Кабо В.Р. 1986. *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука. 302 с.

Карнейро Р. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. – *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Наука. С. 84–95.

Коротаев А.В. 1995. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных первобытных обществ. — *Социологический журнал*. № 4. С. 68-86.

Мешков К.Ю. 1982. Филиппины. — *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин* (под ред. Н.Н. Чебоксарова, А.И. Кузнецова). М.: Наука. С. 175-226.

Штаерман Е.М. 1989. К проблеме возникновения государства в Риме. — *Вестник древней истории*. № 2. С. 76-94.

Berent M. 1994. *Stateless Polis*. Unpublished Ph.D. thesis manuscript. Cambridge: Cambridge University.

Carneiro R.L. 1973. The Four Faces of Evolution. — *Handbook of Social and Cultural Anthropology* (ed. by J.J. Honigman). Chicago. P. 89-110.

Carneiro R.L. 1981. The Chieftdom: Precursor of the State. — *The Transition to Statehood in the New World* (ed. by G.D. Jones, R.R. Kautz). N.Y.: Cambridge University Press. P. 37-79.

*Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* (ed. by R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy). 1995. Washington, D.C.: American Anthropological Association.

Oberg K. 1955. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America. — *American anthropologist*. Vol. 57. P. 472-487.

Service E.R. 1962. *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. N.Y.: Random House.

Service E.R. 1971. *Primitive Social Organization*. 2<sup>nd</sup> ed. N.Y.: Random House.

*The Early Monarchy in Israel: the Tenth Century B.C.E.* (ed. by W. Dietrich). 2007. Atlanta: Society of Biblical Literature. 378 p.

DAVYDOV Sergei Anatol'evich, Dr.Sci.(Soc.), Professor of the Chair of Sociology and Social Work, St. Petersburg State Economic University (21 Sadovaya St, St. Petersburg, Russia, 191023; licurg@inbox.ru)

## POLITOGENESIS OF ANCIENT SOCIETY: AN INDIRECT WAY TO THE EARLY STATE

**Abstract.** The article discusses the idea of the development of ancient society as a progressive process. Sometimes the society has avoided the phases of the chieftdom and the early state, because it founds alternative ways of development. However, in other cases politogenesis of ancient society fits well into the theoretical framework of the Service- Sahlinseale.

**Keywords:** politogenesis, polity, ancient society, chieftdom, early state, scale of Service-Sahlins scale